

УДК 81'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>

КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ЭПОХИ «КОНЕЦ ИСТОРИИ»?

(Рец. на кн.: Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Анализ материалов СМИ и политического дискурса : монография / Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина) ; под науч. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. 304 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

“THE END OF HISTORY” – THE KEY CONCEPT OF THE EPOCH?

(Review of Romanova T. V., Malafeev A. Y., Morozova N. N., Klimova (Fokina) M. A. *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. Analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa* [Tolerance as cultural, political and linguistic problem. The analysis of mass media and political discourse]. Ed. by T. V. Romanova. Nizhny Novgorod : DEKOM, 2017. 304 p.)

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Рецензируемая монография посвящена многоаспектному, детальному анализу феномена, обсуждение которого стало в гуманитарном пространстве особо актуальным на рубеже веков, – толерантности, которую при осмыслении многочисленных острых проблем конца прошлого и начала нового века принято и прилично оценивать крайне положительно, признавать целью взаимоотношений между людьми, всячески приветствовать малейшее стремление к воспитанию и самовоспитанию толерантности у каждого человека и у социальных групп. Поэтому вынесение термина «толерантность» в заглавие обрекает соответствующую публикацию на острое внимание и интерес как специалистов-гуманитариев в социологии, социальной психологии, культурологии, философии, филологии и других областях знания, так и у широкой публики. Коллектив авторов,

Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина), вполне осознают это обстоятельство и адресуют результаты своего длительного многоаспектного исследования довольно широкой аудитории: преподавателям вузов, студентам, исследователям в смежных с лингвистикой областях знания, административным и общественным структурам (с. 2), о чем однозначно и заявляется в аннотации к изданию.

Предваряя анализ содержания, необходимо отметить, что острый исследовательский интерес к понятию «толерантность» удивительным образом совпал с тем периодом анализа современного состояния человеческого общества, который стал характеризоваться как «конец истории». Правда, с того времени утекло много воды, и ведущие европейские политики с определенного момента стали откровенно выступать

© Гришаева Л. И., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

против «мультикультури», полагая, что эта эпоха прошла. Между тем, и это мнение относительно соответствующих явлений изменилось кардинальным образом, и те же политики пригласили носителей разных культур к себе, в Европу, полагая, очевидно, что толерантность стала доминирующей ценностной ориентацией для всех абсолютно. Действительность, однако, оказалась намного сложнее и не вписалась в теоретическое прокрустово ложе.

Этот экскурс в новейшую историю необходим был для того, чтобы подчеркнуть чрезвычайную актуальность предпринятого нижегородскими коллегами исследования. Они выбрали в качестве основополагающего понятие «толерантность», вокруг которого выстраивается целая – и целостная – система других понятий, с помощью которых можно осмыслить с разных точек зрения наиболее сложные социопсихологические и социокультурные процессы, актуальные для любой социальной группы: личностная и коллективная идентичность, «свой – чужой», мировоззрение, деятельность и др. (ср., к примеру, цветные вклейки 1–8 между с. 208 и 209, на которых схематично изложены наиболее важные результаты, полученные на отдельных этапах исследования).

Свои соображения относительно толерантности авторы излагают в шести частях, названия которых наглядно представляют логику авторов, их понимание сущности феномена «толерантность», методику определения средств и способов объективации соответствующих сведений, приемы описания языковых средств, по которым можно распознать личность как обладающую искомыми признаками, а также глубину осмысления наиболее значимых характеристик личности, которую можно было бы признать толерантной, ср. раздел, названный в монографии «Содержание» (с. 3–4):

Часть 1. Толерантность как социальный регулятив (с. 5–72).

Часть 2. Коммуникативная категория толерантности на примере масс-медийного политического дискурса (с. 73–122).

Часть 3. Институциональный политический дискурс с точки зрения толерантности/интолерантности (с. 123–176).

Часть 4. Инструменты корпусной лингвистики при анализе толерантности (с. 177–204).

Часть 5. Инструменты компьютерной лингвистики при выявлении речевой интолерантности (с. 205–237).

Часть 6. Современная языковая личность с точки зрения толерантности/интолерантности (с. 238–300).

Знакомство со структурой монографии убеждает в том, что авторы стремились к максимальной детализации исследования, выбрав в качестве исследовательской точки зрения и доминирующего ракурса анализа лингвистические теории и процедуры, принятые в разных версиях лингвистики. Это вместе с

тем не отменяет обращения исследователей к научному инструментарию других гуманитарных наук. Об этом свидетельствует также и заглавие книги, в котором заявлены разные ракурсы, значимые для осмысления изучаемого феномена: культурный, политический, лингвистический.

Остается только сожалеть, что перечисленные ракурсы анализа мало, если вообще об этом можно было бы говорить, соотносятся друг с другом, что, на наш взгляд, было бы весьма и весьма желательным. Выявление соответствующих корреляций было бы эффективным, эффективным и перспективным шагом, поскольку авторы стремятся выявлять маркеры толерантного/интолерантного высказывания. Таким образом, соответствующие корреляции могли бы стать основой для выверенных суждений в судебной практике, например, в дискуссии или иных форматах дискурса.

Стремление авторов выявить маркеры толерантного высказывания в дискурсах определенного типа и организовать их по определенным принципам (см., например, в цветных вклейках схему 1), несмотря на дискуссионность предложенных трактовок.

Перечисленные выше части исследования следует охарактеризовать как довольно автономные, несмотря на общий – лингвистический – фундамент; общий объект исследования – феномен «толерантность»; общность характеристик эмпирического материала – политический дискурс, язык СМИ; общность среды бытования отобранного эмпирического материала – масс-медийная среда, политический дискурс. Причина этого вполне осознается читателем, хотя авторы не останавливаются подробно на объяснении своих намерений: о толерантности говорят, как правило, в медиапространстве и преимущественно в разнообразных форматах политического дискурса. Ясно также, почему коллектив авторов избирает лингвистику в качестве фундамента для трактовки полученных результатов и для обобщения наблюдений, а также почему принимаются во внимание разнообразные и разнородные языковые средства – ведь основным инструментом взаимодействия в политической коммуникации является язык, особенности функционирования которого в качестве средства познания и коммуникации как культурного кода вполне адекватно описываются с помощью лингвистических процедур на основе разных лингвистических теорий. Не требует развернутых объяснений и стремление авторов выявить маркеры толерантной личности, причем прежде всего маркеры, связанные с использованием именно языковых средств, поскольку желание следовать принципам толерантного общения требует от коммуникантов тщательно выбирать из комплекса изофункциональных средств решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи те, по которым партнер по коммуникации может понять, что характер общения является толерантным.

Автономность отдельных частей монографии, по всей видимости, обусловлена как членением исследования на отдельные этапы, так и интересами автора соответствующей части. Автономность можно усмотреть и в том, что каждая часть имеет свою собственную логику содержательной структуры, а также свой список литературы, значительная доля которого не дублируется в других частях. Например, часть 2 имеет пять глав: «Методы выявления классификаторов толерантности/интолерантности речевого поведения в целях решения лингвоэкспертных задач» (с. 73–81), «Речевые клише и штампы как маркеры оценочных категорий свой/чужой» (с. 82–95), «Трансформация высказываний фразеологизированной структуры как маркер толерантности/интолерантности» (с. 96–108), «Функции и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ» (с. 109–115), «Фрейм-структура как инструмент анализа тональности политического дискурса (на примере политического дискурса Нижегородского региона)» (с. 116–122). Это также можно видеть в том, что некоторые разделы исследования были опубликованы в других изданиях ранее, о чем читатель узнает в ссылках, см., например, с. 5, 51, 83, 82, 109, 116, 177, 182, 188, 194, 212, 224, 281.

Представление об относительной автономности каждой части в контексте монографического исследования основывается также на том, что каждая часть представляет определенные процедуры анализа и собственную логику исследования, а также собственный предмет изучения. Такой подход можно было бы полностью оправдать и разделить, если бы имелись введение и заключение, в которых бы разъяснялась позиция авторского коллектива и в которых акцентировались бы наиболее существенные результаты, полученные в процессе многоаспектного изучения одного и того же объекта исследования разными приемами и методами под разными углами зрения.

Подобное решение авторского коллектива можно понять, приняв во внимание протяженность исследования во времени (в особенности длительность социолингвистических исследований), его многоаспектность, а также значительность объема обрабатываемого эмпирического материала и его принципиальную гетерогенность, а также стремление авторского коллектива знакомить научную общественность с результатами промежуточного анализа.

Нет сомнения в том, что решение авторов изучать на общих теоретических основаниях толерантность и ее оборотную сторону – интолерантность – абсолютно оправдано как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Нельзя не приветствовать также и исследовательский кураж – изучать абсолютно актуальный и неповторимый эмпирический материал, который исследователи получали разными методами через изучение локальных социополитических про-

цессов, имеющих, тем не менее, бесспорное отношение к общим социопсихологическим тенденциям, проявляющимся как в России, так и в иных культурных пространствах. Наблюдения над этим уникальным материалом дополняются обобщениями наблюдений над материалами из иных источников, в том числе и блогов политиков, а также из иных интернет-ресурсов. Продуктивным с исследовательской точки зрения является также обращение к разножанровым художественным произведениям из разных эпох, которые также изучаются под обозначенным углом зрения. Благоприятное впечатление оставляет также решение авторов использовать результаты самонаблюдения студентов, а также результаты магистерских диссертаций, выполненных под руководством Т. В. Романовой, о чем добросовестно сообщается в соответствующих разделах.

Рассуждения богато и разнообразно иллюстрированы: это таблицы, схемы, рисунки, анкеты, графики, а также довольно объемные цитаты из текстов разного типа. Благодаря этому рассуждения авторов на каждом этапе исследования становятся более ясными для читателя, который может составить собственное мнение относительно методики исследования и сформулированных в коллективной монографии обобщений. Кроме того, подобный способ изложения полученных в ходе проведенного исследования данных работает на более эффективную реализацию его прикладного потенциала, предлагая образцы анкеты, образцы сбора эмпирического материала разными методами, демонстрируя разные аналитические ходы и логику их последовательности, объяснительную силу процедур разных видов лингвистического анализа, а также, по большому счету, место лингвистических теорий в системе современного гуманитарного знания.

Анализируя содержательную сторону предлагаемой концепции, нельзя не сказать и о дискуссионном потенциале соответствующих размышлений, что только способствует продвижению рецензируемого издания в научном сообществе.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на трактовку сущности обсуждаемого краеугольного понятия – толерантности. Так, толерантность определяется в начале рассуждений как социальный регулятив, как регулятор межличностных и социальных отношений (с. 5) и вместе с тем «как маркеры свободы, демократии и гражданского общества», «закрепившиеся в человеческом сознании» (с. 5). Далее толерантность трактуется как коммуникативная категория (см. часть 2), а в части 6 – уже как подход, точка зрения для анализа, в части 5 – как проявление речевой деятельности и т. д. Думается, при всем уважении к плюрализму мнений, сложности и внутренней гетерогенности структуры изучаемого феномена вряд ли правомерно оставлять читателя без развер-

нутого комментария относительно научного аппарата и теоретического фундамента. Было бы более целесообразно определить сущность анализируемого феномена, статус, сферу бытования, внешние и внутренние по отношению к этому феномену факторы, а также обосновать возможность и/или допустимость интерпретации толерантности как ценностной ориентации и/или коммуникативной категории, инструмента коммуникации, маркера деятельности коммуниканта, ракурса анализа и др.

Трудно согласиться с позицией авторов относительно того, что понятие «толерантность» вошло в русский язык относительно недавно (с. 6). Во-первых, мысль выражена не совсем точно; во-вторых, появление новых языковых средств выражения для определенного содержания еще не означает неперемного отсутствия в конкретном языке соответствующего понятия; в-третьих, конвенционализация употребления некоторой новой лексемы в языковой культуре сопровождается переструктурированием уже существующего в языке соответствующего синонимического ряда в плане реализации функционального потенциала, сфер функционирования, специализации на решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач каждого из элементов этого синонимического ряда. История русской культуры убедительно демонстрирует значимость соответствующих представлений / ценностных ориентаций для носителей русской культуры в разные эпохи ее существования на протяжении многих и многих веков. Уже только наличие добрососедских отношений в пределах одной деревни или одного поселения жителей с разной этнической идентичностью и конфессиональной принадлежностью, о чем свидетельствует опыт в том числе и Нижегородской губернии, говорит о толерантности как доминирующей ценностной ориентации для всех представителей общества независимо от размера этой группы, обуславливающей и манеру взаимодействия, и быт, и всю структуру социальных отношений на микро- и макроуровне. Это, между прочим, показывают и данные рецензируемого исследования, см., например, в цветной вклейке диаграммы на с. 3, 4, 5, которые при нетождественности данных по отдельным вопросам однозначно маркируют единство тренда на поддержание толерантности в изучаемых группах испытуемых. Отсутствие лексемы толерантность поэтому не может восприниматься маркером отсутствия соответствующего понятия – ведь если бы это было так, то пришлось бы говорить об отсутствии понятия «женщина» до появления лексемы дама или мадам в русском языке. Конечно, появление лексемы толерантность привело к обогащению средств выражения соответствующего понятия и к специализации каждого из них на характер коммуникативных и когнитивных задач. И это, естественно, крайне важно изучать под разными углами зрения.

Думается, желательными были более осторожные формулировки обобщений наблюдений над высказываниями носителей культуры в связи с трактовкой ими контекстов с концептуальными признаками толерантности (ср., например, с. 191, в особенности первый тезис).

Высказанные соображения целесообразно повторить и относительно понятия «политкорректность».

Приведенные замечания, естественно, не ставят под сомнение необходимость и целесообразность изучения как отдельных упомянутых понятий, так и их соотношения друг с другом.

Хотелось бы также расширения теоретической дискуссии относительно понятий «свой» и «чужой», поскольку в монографии не приводятся точки зрения на изучаемую проблематику, не разделяемые авторами монографии, но отличающиеся по своему теоретическому и прикладному потенциалу при изучении разнообразных социокультурных вопросов от разделяемой авторами точки зрения. Это было бы целесообразно сделать уже только потому, что позволило бы более выпукло донести преимущества избранных авторами методов исследования, как их осознают сами авторы.

Подзаголовок рецензируемой монографии отсылает читателя к проблематике, связанной со СМИ и политическим дискурсом. Соглашаясь в целом с необходимостью и правомерностью соответствующего ракурса исследования, нельзя, тем не менее, не обратить внимание на более последовательную экспликацию трактовки СМИ (в частности, в широком и/или узком понимании), а также сведение изучения толерантных и интолерантных высказываний в политическом дискурсе, поскольку от этого зависят принципы отбора эмпирического материала, с одной стороны, и выбор и последовательность исследовательских шагов и процедур анализа – с другой. Очевидно, что политический дискурс целесообразно анализировать как основную сферу функционирования толерантных/интолерантных высказываний. Однако политическим дискурсом отнюдь не исчерпывается функциональная сфера соответствующих языковых средств. Об этом, между прочим, свидетельствуют и примеры из художественной литературы, к которым довольно часто обращаются исследователи в разных главах. Это также необходимо было бы сделать и потому, что в первой части толерантность трактуется как социальный регулятив, а в ряде случаев и как «маркер свободы, демократии и гражданского общества» (с. 5) либо как коммуникативная категория (часть 2).

Не совсем оправдан, полагаем, контрастный ракурс анализа средств вербализации концепта «толерантность» в русской и английской языковых культурах, так как этот аспект изучения в отличие от иных выпадает из общего контекста рассуждений, поскольку не продолжается в других случаях. Другими сло-

вами, последовательное контрастное исследование избранного объекта под избранным углом зрения на каждом из этапов можно было бы только приветствовать, так как это сообщало бы новые значимые сведения об изучаемом феномене.

Хотелось бы большей определенности относительно характеристик эмпирического материала. Это связано с тем, что в специальной литературе доминируют отдельные единицы, вербализующие то или иное понятие. Здесь же, судя по характеру примеров, авторы используют микротексты. Но в таком случае все-таки необходимо определить, достаточно ли только одной лексемы (или же ее части), т. е. толерантность/толерант-..., чтобы признать тот или иной объем микротекста (или его части) необходимым и достаточным для осмысления изучаемого феномена и/или определения конкретного концептуального признака.

На фоне сделанных замечаний необходимо акцентировать еще одну мысль – некоторая недосказанность и дискуссионность ряда положений и сформулированных обобщений не может не побудить читателя к предметной полемике с авторами и тем самым, с одной стороны, способствовать популяризации соответствующей позиции и, с другой стороны, проникнуть в сущность изучаемого феномена и обеспечить приращение научного знания в разных гуманитарных областях.

Из изложенного очевидно, что желательно было бы дополнить рецензируемую монографию введением и заключением, чтобы акцентировать избранный авторским коллективом подход к изучению анализируемого феномена и его преимущества по сравнению с другими потенциально возможными в глазах самих авторов, лаконично изложить теоретический фундамент и основные обобщения. И это важно было бы

сделать не потому, что читатель не может извлечь соответствующие выводы из соответствующих глав (тем более что эти обобщения в каждой главе имеются, некоторые в весьма определенных формулировках), а потому, что понятие «толерантность» чрезвычайно значимо не только для теоретических конструкций в социологии, психологии, культурологии, политологии, теории межкультурной коммуникации, философии, филологии, но и для раскрытия прикладного потенциала соответствующих исследований, в обыденной коммуникации, наконец.

Завершая краткий в силу понятных причин анализ монографии, хотелось бы рекомендовать эту книгу гуманитариям, интересующимся актуальной проблематикой. Появление этой книги можно только приветствовать уже в силу того, что она побуждает к дискуссии, затрагивая важнейшие вопросы, значимые для современного состояния изучения проблематики, предлагая один из многих вариантов осмысления комплекса проблем, связанных с личностной и коллективной идентичностью единичного и коллективного субъекта познания и коммуникации в конкретном лингвокультурном пространстве с попыткой учета субсистемных, системных и суперсистемных связей таких краеугольных понятий, как идентичность, «свой – чужой», ценностные ориентации, коммуникация, средства объективации концепта, соотношение установок и деятельности и др. Ко всем этим толерантность/интолерантность имеет непосредственное и/или опосредованное отношение, что абсолютно закономерно в современном мультикультурном, поликонфессиональном, полиэтничном обществе, как бы данные характеристики ни трактовались учеными разного толка и политиками разной политической ориентации.

Воронежский государственный университет

Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Поступила в редакцию 27 июля 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Ключевое понятие эпохи «конец истории»? (Рец. на кн.: Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Анализ материалов СМИ и политического дискурса : монография / Т. В. Романова, А. Ю. Малафеев, Н. Н. Морозова, М. А. Климова (Фокина) ; под науч. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. 304 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>

Voronezh State University

Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Received: 27 July 2019

Accepted: 27 December 2019

For citation:

Grishaeva L. I., “The end of history” – the key concept of the epoch? (Reivew of Romanova T. V., Malafeev A. Y., Morozova N. N., Klimova (Fokina) M. A. *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. Analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa* [Tolerance as cultural, political and linguistic problem. The analysis of mass media and political discourse]. Ed. by T. V. Romanova. Nizhny Novgorod : DEKOM, 2017. 304 p. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2741>